

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

ТОМЪ VIII

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

Neue Gedichte von Puschkin und Schaffchenko.

— ▶▶▶▶▶ ▶▶▶▶▶ —

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.

1859.

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНІЯ

ПУШКИНА и ШАВЧЕНКИ.

ЛЕЙПЦИГЪ, | LEIPZIG,
Вольфгангъ Гергардъ. | Wolfgang Gerhard.
1859.

МОЛИТВА.

Я слышалъ — въ келіи простой
Старикъ — молитвою чудесной,
Молился тихо предо мной:

„Отецъ людей! Отецъ небѣсный!
Да Имя вѣчное Твое
Святится нашими сердцами!
Да прійдетъ Царствіе Твое!
Да будетъ воля Твоя съ нами
Какъ въ небѣсахъ, такъ на земли!
Насущный хлѣбъ намъ ниспошли
Твоею щедрою рукою! —
И какъ прощаемъ мы людей,
Такъ насъ ничтожныхъ предъ Тобою,
Прости Отецъ своихъ дѣтей!
Не ввергни насъ во искушенья!

И отъ лукаваго прельщенія
Избави насъ“.....

предъ крестомъ

Такъ онъ молился! Свѣтъ лампы
Мерцалъ чуть-чуть издалека....

А сердце чаяло отрады
Отъ той молитвы старика!

А. Пушкинъ.

Цапли.

Жилъ, да былъ пѣтухъ индѣйскій,
Цаплѣ руку предложилъ,
При дворѣ взялъ чинъ лакейскій
И въ супружество вступилъ.
Онъ молилъ дѣтей какъ дара,
И услышалъ Саваоѣ:
Родилася цаплей пара,
Не родилось пѣтуховъ.
Цапли выросли, отстали
Отъ младенческихъ годовъ, —
Длинны, очень длинны стали
И глядятъ на куликовъ.
Вотъ пришла отцу забота
Цаплей замужъ выдавать;
Онъ за каждой три болота
При замужствѣ хочетъ дать;
Но комужъ придетъ охота
Цаплю замужъ себѣ взять?

Цапли чахли, цапли сохли;
Наконецъ, скажу вздохнувъ,
На болотѣ передохли,
Носикъ въ перья завернувъ.

А. Пушкинъ.

Послание Аркадію Гавриловичу Родзянко.

Ты общалъ о романтизмѣ,
О семъ Парнасскомъ Аѳеизмѣ
Потолковать еще со мной
Полтавскихъ музъ повѣдать тайны,
А пишешь мнѣ объ ней одной...
Нѣтъ, это ясно, милый мой,
Нѣтъ, ты влюбленъ Пиронъ Украины!

Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
На свѣтѣ женщины прекрасной?
Улыбка, взоръ ея очей
Дороже злата и честей
Дороже славы разногласной...
Поговоримъ опять объ ней.

Хвалю, мой другъ, ея охоту,
Поотдохнувъ рожать дѣтей
Подобныхъ матери своей;,
И щастливъ кто раздѣлитъ съ ней

Сію пріятную заботу —
Ненаведетъ она зѣвоту.
Дай Богъ чтобъ только Гименей
Межъ тѣмъ продлилъ свою дремоту.

Но не согласенъ я съ тобой,
Не ободряю я развода:
Во первыхъ, Вѣры долгъ святой,
Законъ и самая природа....

А во вторыхъ замѣчу я,
Благопристойные мужья
Для умныхъ женъ необходимы;
При нихъ домашніе друзья
Иль чуть замѣтны, иль незримы,
Повѣрьте, милые мои:
Одно другому помогаетъ,
И солнце брака затмѣваетъ
Звѣзду стыдливую любви.

А. Пушкинъ.

1826 Г.

Кавказъ. *)

За горами горы, хмарой помыты
Засіяны горемъ, кровью полыты
Съ поконъ вику Прометея
Тамъ орелъ карае
Що день Божій добри ребра
Й сердце розбивае
Розбивае та не выпше
Живучои крови,
Вона знову оживае
И сміетця знову
Не вмирае душа наша
Не вмирае воля
И насытій не выдере
На дни моря — поля

*) Слѣдующія стихотворенія были намъ присланы, на молороссійскомъ языкѣ, съ примѣчаніемъ что Стихи Шавченки — выраженіе всеобщихъ, накопившихъ слезъ не онъ плачетъ о Украинѣ — она сама плачетъ его голосомъ.

Примѣч. Редактора.

Отгòмъ то милостивы мы
 Ненагодовану и гòлу
 Застукамы сердешну долю
 Тай цькуемò лягли кисть мы
 Людей муштрованныхъ, чы мало?
 А сліозъ?... а крови.... напоить
 Всихъ Царскивъ бы стало
 Эъ дитьми и внуками
 Въ сліозахъ вдовыци и дивочихъ
 Пролытыхъ нышкомъ середь нòчи...
 А матернихъ горячихъ сліозъ!
 А батькиныхъ стòрыхъ кровавыхъ?...
 Не реки — море розльлось —
 Огненне море —!... Слава, слава!
 Хортàмъ и гончимъ и псарямъ
 И нашимъ батюшкамъ Царямъ.

Слава!

И вамъ слава сыни гòры
 Крыгою окути
 И вамъ дыкари великы
 Богомъ незабуты...
 Борытця — побòрете! Вамъ Богъ помогае
 За васъ сыла, за васъ воля
 И правда святая!
 Чурèкъ и сакля все твое

Воно непрóшене й не дане
 Нихто не визме за свое
 Не поведе тебе въ кайданы!...

.

На те нисчасны мы
 Чытаемъ Божіи глаголы
 И адъ глыбóкои тюрьмы
 Та до високаго Престолу
 Уси мы въ золоти

. Мы не погани,

Мы настоящи Христіане,
 Храмы, иконы,
 Все добре, самъ Богъ у насъ....
 Намъ тильки сакля въ очи коле
 Чогò вона стоить у васъ
 Не наши запо!... И чомъ мы вашъ
 Чурéкъ же вашъ, до вамъ некінемъ
 Якъ тій собащи... и чòмъ вы намъ
 Платыть за сонце неповынни!...

.

И тильки жъ то? мы малымъ сыты
 А зато колыбъ вы зъ нами подружылысь
 Богато-де чогò бъ навчылысь:

У насъ же й свита якъ на те —
Одна Сибирь неисходьма!
А тюрьмъ, а люду — що й лычить!
Отъ молдаваньша до Финна
На всехъ языкахъ, вси молчѣтъ —
Бо благоденствуемъ!... у насъ
Святую Библию читае
Святой Чернѣць и наукае
Що царь якій — съ то свыній насъ,
Та дружню жинку взявъ за сѣбе
А друга вбывъ — теперь на неби....
Ось бачь яки у насъ сыдятъ на неби!

Вы ще тѣмны
Святымъ Хрестомъ непросвѣщенни
У насъ научытеся.....
У насъ — деры, деры — та дай
Тай прямо въ рай
Дочь и ридню всю забырай!

У насъ... Чого то мы не вміемъ?!
Французьки лаемъ, гричну сіемъ,
Продаемъ, або у карты програемъ
Людей..... — не Негривъ, а такихъ
Таки крещеныхъ, то простыхъ....
Мы пе Гишпане; крый насъ Боже!

Щобъ крадене перекупать
 Якъ ти жиды.... мы по закону!
 По закону Апостола
 Вы любите брата
 Суесловы лицемѣры
 Господомъ прокляты!
 Вы любите на братови шкуру
 А не душу — той луньни позакону.
 Доци на кожухокъ
 Жици на потѣмки
 Байстрюкови на придане
 Собижъ на тѣ, чого не знаютъ
 Ни диты, ни жинка.
 За кого жъ ты роспынався
 Хрысте Сыне Божій!
 За насъ добрыхъ, чы за слово истинны?
 Чѣе може, щобъ за тебе насмѣялысь?
 Воно жъ такъ и сталося!!!... —
 Храмы, каплыци и иконы
 И стѣлпыми и мирры дымъ
 И передъ образомъ Твоимъ
 Неутомленніи поклоны,
 За кражу, за вѣйну, за кровь,
 Що братню кровь пролыти просятъ
 А потимъ въ даръ Тоби приносятъ
 Съ пожару вкраденный покровъ.

Просвѣтымысь, та ще хочемъ другихъ про-
свѣтыты

Сонце правды показать, слынымъ, бачымъ,
дытямъ

Всему научимъ — тильки дайте себя въ руки
взяты

Якъ и тóрьмы мурова́ты

Кайданы коваты,

Якъ ихъ носы́ть, и якъ плести

Кнуты узлова́ты;

Всему научимъ, тильки дайте свои го́ры,
Остатки го́ры — бо все взяли и поле и море.

И тебе загна́лы мій друже единый

Мій Якове добрый! — Не за Украину,

А за и́й ката довелось пролыть

Кровь добру, не чорну, — довелось запыть

Зъ Москòвской чарки, Моско́вску отраву

О, друже мій добрый, друже незабу́тый,

Живдо́ю душо́ю въ Укра́ини вытай;

Литай зъ козакомъ по надъ берега́мы

Розрыты мо́гылы въ степу́ выглядай,

Заплачь зъ козаками дри́бными сліоза́мы,

И мене зъ неволи въ степу выглядай.

Шавченко.

Холодный Яръ.

У всякого свое лыхо
И въ мене те лыхо
Хочь не свое, позычене
А все таки лыхо.
Нащобъ бацьця тѣ згадувать
Що давно мынуло,
Будыть Богъ знае колышне
Добре що заснуло.
Хочь и яръ той: воне до ідого
И стежки малди
Не осталось и здаецця
И то ништо й ногою
Не ступивъ тамъ, а згадаешъ,
То була й дорога
Зъ монастыра Мотрынова
До яру страшного
Въ яры колысь Гайдамăки
Таборомъ стоялы
Логодылы самопалы,

Ратыщо стругалы.
У яръ тоди сходьлыся,
Мовъ изъ хреста зняты
Батько зъ сыномъ, а братъ зъ братомъ
Одностойне статно
На ворога лукаваго
На лютаго Ляха.
Дежь ты дився въ яръ глыбокій
Протоптаный шляху?
Чы самъ зорисъ темнымъ лисомъ,
Чы то засадили
Нови каты? Щобъ до тебе
Люде не ходилы.
На параду що имъ дѣять
Зъ добрыми панами,
Людоидами лыхыми,
Новыми Ляхами,
Не сховаете, — надъ Яромъ
Зализнякъ вытѣе
И на Умань позырае
Гонту выглядае,
Не ховайте, не топчите
Святого закона,
Не зовите преподобнымъ
Лютого Нерона.
Не славтеся царевою

Святою войною
Бо вы й сами не знаете
Що царыки ноить;
А крычытè, що несетè —
И душу и шкуру
За отечество.... Ей Богу
Овеча натура!
Дурный тыю подставляе
И не знае за що,
То ще й Гонту зневажае, —
Ледаче, ледащо:
„Гайдамакы не воины
„Разбойники, воры,
„Пятно въ нашей Истори!“...
Брешешь людоморе!
За святую правду — волю
Розбійнымъ не стане
Не роскуе закованный
У ваши кайданы
Нородъ тёмный;
Не зариже лукавого сына
Не розибье живè сèрце
За свою Краину.
Вы разбойники несыты
Голодни вороны;
По якому правдывому

Святому закону —
И землю всимъ данною
И сердешнымъ людомъ
Торгуете.... стережитцяжъ
Бо лихо вамъ буде
Тяжко лихо! Дурыть дитей
И брата слипого,
Дурыть себя, чужыхъ людей
Но недурить Бога
Бо въ день радости надъ вами
Роспадетца кàра
И повіè новій огонь
Съ Холоднаго Яра! —

Шавченко.

Думка.

Якъ умру, то поховайте
Мене на могили,
Середъ степу широкого
На Краини мылій;
Щобъ лапы широкополи
И Днипро и Круча
Було видно; було чуты
Якъ ревè ревучій,
Якъ то течè зъ Украины
У сынее море
Кровъ ворѣжа... отгоди я
И лапы и горы
Все покину и полечу
До самого Бога
Молитыся.... а дотого
Поховайте, то вставайте
Кайданы порвите,
И вражою, злою кровью
Волю окропыте.
И мене въ семьи велькій
Въ семьи вольній, повій,
Не забудьте помянуты
Не злымъ, тихимъ словомъ.

Шавченко.

Розрыта могила.

Свите тихій, краю мильй,
Моя Украина
Защо тебе сплюндровано,
Защо мамо гинешь?
Чи ты рано до схидъ сонца
Богу не моылася,
Чи ты диточекъ непевныхъ
Звычаю невчыла?
Моылася, турбовалась,
День и почъ неспала
Моихъ дитокъ доглядала
Звычаю навчала.
Выросталы мои диты
Мои добри квиты
Понувала и я колысь
На широкимъ свити
Панувала... О Богдане
Нерозумный сыну

Подывысь теперь на матеръ
На свою Крапну,
Що колытучи спивала
Про свою недолю
Що спиваючи рыдала
Выглядала волю.
Ой Богдане Богданочку,
Якъ бы була, знала,
У колысци бѣ придутыла,
Подъ сердцемъ приспала,
Степы мои запродани
Жидови, Нымоти
Сыны мои на чужьѣни,
На чужьѣй работи.
Днипрѣ, братъ мій, высыхае
Мене покидае,
И могилы мои млы
Москаль розрывае.....
Нехай рые, роскопуе
Не свое шукае....
А тымъ часомъ перѣвертни
Нехай пидростають,
Та поможуть Москалеви
Господароваты.....
Та зъ матери подѣтану
Сорочку здѣмать....

Помогайте недовчодны,
Матирь катуваты...
На четверо роскопала
Розрыта могила,
Чого воны тамъ шукалы
Що тамъ схоронылы
Стары батьки? — Эхъ якъ бы — то,
Якъ бы то знайтвы те, що тамъ схоронылы,
Не плакалы бь диты, матибь, не рыдала!

Шавченко.

Думка.

За думою дума роемъ вылитае
Одна давуть сердце, друга роздырае
А третя тыхо, тыхесенько плаче
У. самому сердци, може й Богъ небачыть
Кому жъ ий покажу я
И хто тую молу
Привитое, угодае,
Велькее слово?
Вси оглухлы, похилымысь
Въ кайданахъ — байду же...
Ты смієшся, а я плачу
Велькій мій друже,
А що вродыть зъ того плачу?
Богиньова брате.....
Незаревуть въ України
Вольніи гарматы,
Не зариже батько сына,
Своеи дытыны,

За честь, славу, за братерство
За волю Краины;
Не зариже, выкохае
То й продасть въ ризныци
Москалеви.... цѣбъ тобачышь
Лепто у довыцы,
Престолови, отечеству,
То Нымоти плата —
Нехай брате — а мы будемъ
Сміятця, та плакать.

Шавченко.

И мертвымъ и живымъ и ненарожденнымъ землякамъ моимъ въ Украини и не въ Украини, мое дружное посланіе.

Аще кто речеть, яколюблю
Бога а брата своего ненавидитъ
—ложь есть. Иоани. гл. IV ст. 20

И смеркае и свитае
День Божій минае
И знову людъ потомленный
И все спочивае.
Тольки я мовъ окаянный
День и ночь блукаю
На распуттяхъ велелюдныхъ
И ништо небачыть
И небачыть и незнае;
Оглухлы, нечуютъ,
И Господа вневожають
Людей запрягають
Въ тяжки ярма. Орють лыхо,

Дыхомъ засивають
 А що вродить? Побачыю
 Яки будуть жыва!
 Схаменитця недолюдни
 Диты юродывы,
 Подывитця на край тыхій
 На свою Краину;
 Полюбите щирымъ сердцемъ
 Вельку руину!
 Раскуйтеся, братайтеся;
 У чужому краю —
 Не шукайте, не пытайте
 Того що немае
 И на неби, а нетильки —
 На чужому полю;
 Въ свой хати — своя правда
 И сыла и воля! —

Нема на свити України
 Немае другого Днипра
 А вы претєся на чужбину
 Шукаты добраго добра,
 Добра святаго, воли, воли!
 Братерства братняго! Найшлы —
 Неслы, неслы зъ чужого поля
 И въ Украину принесли

Велькихъ словъ, велькихъ силу —
Тай бильше ничòго. Крычите —
Що Богъ создавъ васъ не на те,
Щобъ вы неправди поклонялись! —
И хилытєсь якъ хилымысь,
И знову шкуру деретє
Зъ бративъ незрячихъ, гричкосіивъ,
И сонця правды дозривать.
Въ Нымєцьки земли, печужіи
Претєся знову! Якъ бы взять
И всю мистерію зъ собою
Дидами крадене добрò,
Тодибъ zostався сыротою
Зъ святыми горами Днипрò! —

Отъ якъ бы те сталося, що бъ вы не вертымысь,
Щобъ тамъ издыхалы де бы порослы
Не плакалы бъ диты, маты бъ не рыдала,
Не чулыбъ у Бога вашои хулы.

И сонце не грилобъ смердячого того
На чыстїй, шорокїй, на вольнїй земли,
И люди бъ не знали що вы за òрлы
И не покивали бъ на васъ головою! —

Схамєнитця, будьте люде, —
Бо лыхо вамъ буде,

Раскуютця незаборомъ
Заковали люде.
Настапе судъ: заговорять
И Днипрò и горы
И потечè сто риками
Кровь у сыне море
Дитей вашихъ.... И не буде
Кому помогаты:
Одцураётця братъ брата
И дитына маты;
И дымъ хмарою заступить
Сонце передъ вами,
И на вики прокляпéтесъ
Своими сынами;
Умылтеся! Образъ Божій
Бачномъ не скверните,
Не дурыте дитей вашихъ
Що воны на свити
На те тильки, щобы пануваты;
Бо певечèне око
Заглянè имъ въ саму душу,
Глыбоко, глыбоко!
Дознаютця небожата
Чьей на васъ шкура
Тай засядуть.. и премудрихъ
Немудри одурять. —

Якъ бы взылысь, такъ якъ треба,
 Той мудрость бы була своя,
 А то залізете на небо:
 „И мы не мы, и я — не я.
 „И все то бачывъ и все знаю
 „Нема ни пекла и ни раю
 „Нема и Бога — тильки я!...“
 Та куцый нымець узловатый
 А бильшь никого... добре брате,
 Що жъ ты такè? —

„Нехай скаже

„Нымець, мы не знаємъ...“

Оттакъ товы навчаетесь

У чужому краю!

Нымець скаже: вы Моголы,

„Моголы, Моголы,

„Золотога Тамерлана

„Опучаты голы!“

Нымець скаже: вы Славяне,

„Славяне, Славяне

„Славныхъ праидывъ велькихъ

„Правнуки погани!“

И Камляра читаете

Зъ у сіен светы

И Шафарика и Ганку

И въ словянофилы

Такъ и претѣсь.... и вси мѡвы
Славянскаго люду,
Вси знаете,... а своѣи
Дастъ Богъ... колысь будешъ
По своему глаголаты
Якъ нѣмецъ покаже
А до того ѣ исторію
Намъ нашу роскаже.
Отгоди мы захѡдымось!
Добре! заходьнысь!
По Нѣмецкому показу
Та ѣ заговорылы,
Такъ чтоѣ нѣмецъ невторопѣ
Учитель великій,
А не те, щобъ прѡсти люде!
А гвалту, а крыку!
„И гармонія и сила!...“
Музыка — та ѣ годи
А Исторія? „Поэма
„Вольного народу,
„Щоти Римляне убоги
„Чорто зна що — не Бруты!
„У насъ Бруты и Коклѣсы,
„Славни, незабуты;
„У насъ воля выростала
„Днипромъ умывалась,

„У головы горы клала
„Степомъ укрывалась!...“
Кровью вона умывалась
А спала на купахъ,
На казачкихъ вольныхъ трупахъ
Окраденныхъ трупахъ

Подывытця лышень добре
Прочитаите знову
Тую славу. Та читайте
Одъ слова до слова,
Не мынайте а ни титла
Ниже тїи комы,
Все разберыть,.... та спытайте
Тоди себе: що мы?
Чи диты? Якихъ батькивъ?
Кимъ, за що закути?
То й побачыте що... ось що,
Ваши славни Бруты:
Рабы пидныжки, грязь Москвы,
Варшавске смиття ваши паны
Ясневельможные гетьманы
Чого жъ вы чванытеся, вы,
Сыны сердешной Украины?
Що добре ходыте въ ярми,

Ще лучше якъ батьки ходылы?
Не чваньтєсь! Эъ васъ деруть ремень,
А эъ ихъ бувало й лій топылы.
Може чваньтєсь, що братство
Вижу заступыло,
Що Сынопомъ, Трапезунтомъ
Галушки ворыло?
Правда, правда! Найдалысь,
А вамъ теперь водыть
И но Сичи мудрїй нымецъ
Картопелку садыть;
А вы ея купуете
Истє на здорovyє
Та славите Запорожє....
А чьєю кровью
Отà земля напоена,
Що картопля рòдыть?
Вамъ байдю же... а бы добра
Була для горòду!
А чваньтєсь, щомы Польшу
Колысь завалылы;
Правда ваша Польша впàла
И васъ роздавыла!

Такъ ось якъ кровь свою лылы
Батьки за Москву и Варшаву

И вамъ сынамъ передалы
Свои кайданы — свою славу.

Доборолась Украина
До самого краю,
Гирше Дяха свои диты
Ли распинають.
Замісь тыва проведную
Кровь изъ реберъ точать
Просвितыты, кажутъ, хочуть
Материны 'очи,
Современными огнями
Повесты за викомъ,
За Нымцями — недорику,
Слипую калику.
Добре! Ведыть, покажутъ —
Нехай стара маты
Навчаецца, якъ дитсѣй тыхъ
Новыхъ доглядаты.
Показуйте! за науку
Не турбуйтеся — буде
Материна добра плата;
Распадетца луда
На очахъ вашихъ несытыхъ..
Побачыте славу —
Живу славу дидывъ своихъ

И батькòвъ лукавыхъ!
Не дурыте сами себе,
Учытесь, читайте
И чужому научайтесь
И своего нецурайтесь:
Бо это матеръ забувае,
Того диты цураютця
Въ хату не пускаютъ,
Чужи люди прогоняютъ
И не мое злому
На всій земли безконечной
Веселого дому.
Я рыдаю якъ згадаю
Дила незобути
Дидывъ нашихъ: тяжки дила!
Якъ бы ихъ забуты
Я оддавъ бы веселого
Вику половину.
Отъ то она наша слава
Славо Украины!
Оттакъ и вы прочитайте
Щобъ не соннымъ снились,
Вси неправди, щобъ раскрылись
Высоки могилы
Передъ вашими очами
Щобы роспыталы —

Мученькивъ : кого, колы
Зáщо роспыналы!
Обнымитежь браты мои
Найменьшого брата
Нехай маты усмихнетця
Заплаканы маты!
Благословить дитей своихъ
Твердыми руками
И жиночокъ поццлуйте
Вольными устами.
И забудетця срамотна
Давняя година
И оживè добра слава
Слава Украины!
И свить ясный, невечерній
Тыхо засіе...
Обнымытця жъ браты мои
Молю вась, благаю.

Шавченко

В. Л. Пушкину.

Скажи парнасскій мой отецъ,
Неужто вѣрныхъ музъ любовникъ,
Не можетъ нѣжный быть пѣвецъ
И вмѣстѣ гвардіи полковникъ?
Ужели тотъ, кто иногда
Жжетъ ладошъ Аполлону даромъ,
За честь не смѣетъ безъ стыда
Жечь порохъ на войнѣ съ гусаромъ
И, если можно, города?
Беллона, музы и Венера
Вотъ кажется святая вѣра
Дней нашихъ всякаго пѣвца.
Я шлюсь на русскаго Буфлера
И на Дениса Храбреца;
Но не на Глинку офицера
Довольно плоскаго пѣвца,
Не нужно мнѣ его примѣра...
Ты скажешь: перестань болтунъ!
Будь человекъ, а не драгунъ;

Парады, караулъ, ученья
Все это оды не внушить,
А только душу изсушить,
И къ Марину для награжденья
Быть можетъ прямо за коцитъ
Пошлютъ читать его творенья.
Послушай, дядя милый мой,
Ступай себѣ къ слѣпой Θεmidѣ —
Ты съ дипломатикой косою!
Кропай мой другъ посланья къ Лидѣ,
Оставь военные грѣхи,
И въ сладостяхъ успокоенья
Пиши сенатскія рѣшенья
И пятистопные стихи;
И не съ гусарскаго корнета —
Возьми примѣръ съ того поэта,
Съ того, котораго рука
Нарисовала Ермака,
Въ снѣгахъ незнаемаго свѣта
И плѣнь могучаго Махмета,
И мужа модные рога;
Который милостию Бога
Министръ и сладостный пѣвецъ
Былъ строгой чести образецъ,
Какъ образецъ онъ будетъ слога.
Все такъ, почтенный дядя мой,

Почтенъ, кто глупости людской
Рѣшитъ запутанные споры;
Уменъ, кто хитрости рукой
Переплетаетъ межъ собой
Дипломатическіе вздоры
И правитъ нашею судьбой.
Смѣшенъ конечно мирный воинъ
И эпиграммы самой злой
Въ извѣстныхъ святцахъ онъ достоинъ.
Что восхитительнѣй, живѣй,
Войны, сраженій и пожаровъ,
Кровавыхъ и пустыхъ полей,
Бивака, рыцарскихъ ударовъ?
И что завиднѣй краткихъ дней
Не слишкомъ мудрыхъ усачей,
Но сердцемъ истинныхъ гусаровъ?
Они живутъ въ своихъ шатрахъ,
Вдали забавъ и нѣгъ и грацій,
Какъ жилъ безсмертный трусъ Гораций
Въ тибурскихъ сумрачныхъ лѣсахъ;
Не знаютъ свѣта принужденья,
Не вѣдаютъ, что скука, страхъ;
Даютъ обѣды и сраженья,
Поютъ и рубятся въ бояхъ.
Счастливъ, кто милъ и страшенъ міру,
О комъ за пѣсни, за дѣла

Гремитъ правдивая хвала,
Кто славилъ Марса и Темиру
И бранную повѣсилъ лиру
Межъ вѣрной сабли и сѣдла!
Но вы враги трудовъ и славы
Питомца Феба и забавы
Вы мирной праздности друзья
Шепну вамъ на ухо вы правы
И съ вами соглашаюсь я!
Богъ создалъ для себя природу
Свой рай и счастье глупцамъ,
Злословіе мужчинъ и моду
Конечно для забавы дамъ,
Заботы знатному народу,
Дурачество для всѣхъ, — а намъ —
Уединенье и свободу!

А. Пушкинъ.

1817.

Цензору.

Угрюмый сторожъ музъ, гонитель давнй мой!
Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой.
Не бойся, не хочу, прельщенный славой ложной
Цензуру поносить хулой неосторожной!
Что нужно Лондону, до рано для Москвы,
У насъ писатели я знаю каковы:
Ихъ мыслей не стягнетъ цензурная разправа,
И чистая душа передъ тобою права.
Во первыхъ искренно я признаюсь тебѣ,
Нерѣдко о твоей жалѣю я судьбѣ:
Людской безмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вѣчно разбирать обязанъ ихъ грѣхи:
То прозу глупую, то глупые стихи!
Россійскихъ авторовъ нелегкая тревожитъ,
Тотъ англійскій романъ съ французскаго предложить,
Тотъ оду сочинить, потѣя и крехтя,
Другой трагедію напишетъ намъ шутя;
До нихъ намъ дѣла нѣтъ, — а ты читай, бѣсися,
Зѣвай сто разъ, засни, а послѣ подпишися.
Нашъ цензоръ мученикъ; порой захочетъ онъ

Умъ чтенъемъ освѣжить : Руссо, Вольтеръ, Бюфонъ,
Державинъ, Карамзинъ манятъ его желанье ;
Но долженъ посвятить безмолвное вниманье
На бредни новыя какаго-то враля,
Которому досугъ пѣть роци, да поля !
Да связь утратя въ нихъ, ищи ея сначала,
Или вымаравай изъ тощаго журнала
Насмѣшки грубыя и площадную брань,
Учтивыхъ авторовъ затѣйливую дань !
Но цензоръ гражданинъ, и санъ его священный,
Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный,
Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ,
Но мнѣнья не тѣснить и разумъ терпитъ онъ.
Блюститель тишины, приличія и нравовъ,
Не преступаетъ онъ начертанныхъ уставовъ,
Закону преданный, отечество любя ;
Принять отвѣтственность умѣетъ на себя ;
Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
Живой поэзи развиться не мѣшаетъ ;
Онъ другъ писателей, предъ знатю не трусливъ,
Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ.
А ты глупецъ и трусъ ? что дѣлаешь ты съ нами ?
Гдѣ должнобъ умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая пастъ, мараешь и дерешьъ,
Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешьъ,
Сатиру — пасквилемъ, поэзию — развратомъ,

Гласъ правды — мятежемъ, Куницина — Маратомъ,
Рѣшилъ, а тамъ поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно-ли, что на святой Руси
Благодаря тебѣ не видимъ книгъ доселъ?
И если говорить задумаешь о дѣлѣ,
То славу русскую и здравый умъ любя,
Самъ Государь велитъ печатать безъ тебя!
Остались намъ стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досуговъ и любви невинныя мечты,
Воображенія минутныя цвѣты...
О варваръ! кто изъ насъ владѣтель русской лиры —
Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры!
Докучнымъ евнухомъ ты бродишь между музъ,
Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
Ни слогъ пѣвца, порывъ столь чистый, благородный,
Ничто не трогаетъ души твоей холодной.....
На все кидаешь ты косою невѣрный взглядъ,
Подозрѣвая всѣхъ, во всемъ ты видишь ядъ!
Оставь пожалуй трудъ ни мало не похвальный;
Царнась не монастырь, и не гаремъ печальный;
А право, никогда искусный коновальъ
Пзлшней пылкости Пегаса не лишальъ:
Чего боишься ты? Повѣрь мнѣ: чьи забавы
Осмѣивать законъ, правительство и нравы,
Тотъ не подвергнется взысканью твоему,

Тотъ незнакомъ тебѣ, — мы знаемъ почему,
И рукопись его не погибая въ летѣ,
Безъ подписи твоей разгуливаетъ въ свѣтѣ.
Барковъ шутливыхъ одъ къ тебѣ не посылалъ,
Радищевъ, рабства врагъ, цензуры избѣжалъ
И Пушкина стихи въ печати не бывали,
Что нужды? ихъ и такъ иные прочитали.
Но ты свое песешъ, и въ нашъ премудрый вѣкъ
Едва ли Шаликовъ не вредный человекъ!
Зачѣмъ себя и насъ терзаешь безъ причины?
Скажи, читалъ ли ты наказъ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно въ немъ,
Свой долгъ, свои права, пойдешь инымъ путемъ.
Въ глазахъ Монархини сатирикъ превосходный —
Невѣжество казнилъ въ комедіи народной,
Хотѣ въ узкой головѣ придворнаго глупца
Кутейкинъ и Христосъ два равныя лица!
Державинъ, бичъ вельможъ при звукѣ громкой лиры,
Ихъ горделивые разоблачилъ кумиры!
Хемницеръ истину съ улыбкой говорилъ?
Наперстникъ душеньки двусмысленно шутилъ —
Кипригу иногда являлъ безъ покрывала,
И никому изъ нихъ цензура не мешала...
Ты что-то хмуришься? Признайся, въ наши дни
Съ тобой не такъ легко-бъ раздѣлялись они?
Ты въ этомъ виноватъ? Передъ тобой зеркало

Дней Александровыхъ прекрасное начало!
 Повѣдай, что въ тѣ дни произвела печать?
 На поприщѣ ума нельзя намъ отступать,
 Старинной глупости мы праведно стыдимся;
 Ужели къ тѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечество назвать
 И въ рабствѣ ползали и люди и печать!
 Нѣтъ, нѣтъ! оно прошло губительное время:
 Гдѣ славный Карамзинъ снискалъ себѣ вѣнецъ,
 Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть глупецъ!
 Исправся жъ, будь умнѣй и сбрось вражды ты бремя.

„Но можноть цензору по совѣсти судить?
 Конечно вамъ смѣшно, а я перѣдко плачу,
 Я долженъ то того, то этого бранить!
 Читаю, да крещусь, мараю на удачу.
 На все есть мода, вкусъ; бывало напимѣръ:
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А нынѣ и Милютъ попался въ наши сѣти!“
 Я бѣдный человекъ, къ тому жъ жена и дѣти!“

Жена и дѣти, другъ, повѣрь большое зло,
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло;
 Но дѣлать нечего! Такъ если невозможно
 Тебѣ скорѣй домой обратиться осторожно
 И сѣужбою своею ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря!

1816.

А. Пушкинъ.

Льву сергѣевичу Пушкину.

Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ
Не лишень разсудка,
Но съ шампанскимъ жирный пловъ
И съ груздями утка
Намъ докажутъ лучше словъ,
Что онъ болѣе здоровъ
Силою желудка.

А. Пушкинъ.

181—

На смерть тетушки Анны Львовны Пушкиной.

Ахъ тетушка! ахъ Анна Львовна
Василья Львовича сестра!
Ты къ папенькѣ была любовна,
Ты къ маменькѣ была добра.

Тебя Василій Львовичъ кровный
Встрѣчалъ всегда среди двора,
Тебя Елизавета Львовна
Любила больше серебра.

Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
Со Львомъ Сергѣичемъ давноль —
На зло судьбинѣ самой гнѣвной —
Дѣлила ты и хлѣбъ и соль?

Но вотъ уже Василій Львовичъ
Стихами гробъ твой окропилъ...
Зачѣмъ стихи его поповичъ,
Дуракъ Красовскій, пропустилъ!

1830.

А. Пушкинъ.

Конецъ.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Печа.

NAUMBURG,
Druck von G. Patz.

ВОЛЬФГАНГЪ ГЕРГАРДЪ, книгопродавецъ, издатель и комиссіонеръ для иностранцевъ предлагаетъ свои услуги Г. г. авторамъ для напечатанія ихъ произведеній, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА.

- Томъ I. Стихотворенія ПУШКИНА, РЫЛѢВА, ЛЕРМОНТОВА и другихъ лучшихъ авторовъ. 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ II. ГУБЕРНАТОРСКАЯ РЕВИЗІЯ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. 15 Ngr.
- Томъ III. РОВИРА или Рабство. Драма въ трехъ дѣйствіяхъ Ивана Головина. 15 Ngr.
- Томъ IV. ЛЕКЦІИ О ФРЕНОЛОГІИ съ иллюстраціями Ивана Головина. 20 Ngr.
- Томъ V. ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ ВЪ АНГЛІИ, Ивана Головина съ портретомъ автора. 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ VI. ЗАПИСКИ Ивана Головина. 1 Thlr. 15 Ngr.
- Томъ VII. МОЛОДАЯ РОССІЯ Ивана Головина. 24 Ngr.

En vente:

- Ivan Golovine**, Histoire d'Alexandre I., Empereur de toutes les Russies. Avec le portrait de l'Empereur. 1 vol. In-8. 1½ Thlr.
- Lamartine**, Histoire de la Russie. 1 vol. In-8. 1½ Thlr.
- Lamartine**, Histoire de la Turquie. 4 vols. In-8. 6 Thlr.

НАУМБУРГЪ,
въ типографіи Г. Пеца

Naumburg,
Druck von G. Patz.